

Е. И. Пивовар¹

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ XX ВЕКА

Феномен зарубежной России XX века характеризуется множеством параметров, среди которых важнейшее место занимает взаимодействие российской эмиграции с культурами различных народов и регионов мира.

Сложность и многообразие этого взаимодействия связаны прежде всего с особенностями самой российской эмиграции: ее социально-профессиональными, образовательными, демографическими характеристиками, способностью воспринимать другие культуры и языки и стремлением к сохранению собственной культурно-языковой идентичности. Другим не менее важным компонентом является культурная специфика принимающих стран, реакция их народов, общественных и государственных структур на российские диаспоры.

В XVIII — начале XX века общение россиян, находившихся за границей, с иностранной, и прежде всего европейской, культурой носило в целом одновекторный, «принимающий» характер: получение образования за рубежом, восприятие художественных влияний, опыта политической борьбы и т. п. Дореволюционная российская эмиграция в Новом Свете частично растворялась в общем «плавильном котле», частично жила замкнутыми религиозными общинами. В то же время примером

активного культурного влияния российской диаспоры на общество страны-реципиента в дореволюционный период была деятельность русских колонистов, работавших на КВЖД и в системе выросших вокруг нее административных, экономических, культурно-просветительных структур, а также миссионерская работа Русской православной церкви в Японии, Северной Америке и ряде других стран. Православная составляющая русской культуры распространялась в мире через развитие зарубежных приходов в США, Европе, на Ближнем Востоке. В настоящее время мы наблюдаем возрождение их роли как центров культурного взаимодействия между современной Россией и различными странами мира (Русские подворья в Иерусалиме, г. Бари в Италии и др.). Свою самобытную культуру несли в конце XIX — начале XX века за границу эмигранты из Российской империи в Палестину, беженские волны с Кавказа в Турцию и др.

Глобальный культурный диалог российского зарубежья начинается в послереволюционный период в связи с существенным изменением количественных и качественных параметров миграционных потоков из России. После 1917 года картина социально-культурного взаимодействия российского зарубежья с обществами стран-реципиентов приобретает сложный многовекторный характер. За рубежом оказались значительные по численности группы, представлявшие большинство социально-профессиональных страт российского общества: ученые, инженеры, военные, медики, студенческая молодежь и т. п.

Нет необходимости подробно говорить об элитарности российской послереволюционной эмиграции, ее высоком интеллектуальном уровне, творческом потенциале, упорной борьбе не просто за выживание, но и за восстановление утраченного в результате революционных потрясений социального статуса. В то же время хотелось бы еще раз

¹ Член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор.

Автор более 100 научных работ: «Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР», «Наше Отечество. Опыт политической истории», «Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения» (в соавт.), «СССР и холодная война» (отв. ред. и соавт.), «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», «Теоретические проблемы исторических исследований». Вып. 1–4 (отв. ред. и автор) и др.

Член редколлегии журналов «Отечественная история» и «Вестник архивиста», редакционного совета ежегодника Международного общества по исторической дидактике, заместитель главного редактора международного альманаха «Исторические записки».

подчеркнуть, что эти качества российской послереволюционной диаспоры в сочетании с многочисленностью и многообразием миграционных потоков и их направленностью в различные страны и регионы мира обусловили возникновение глобального социально-культурного феномена зарубежной России 1920–1930-х годов, значение которого ощущается и в XXI веке.

Культурный диалог российских эмигрантов с обществами стран-реципиентов имел различную интенсивность и тональность звучания в зависимости от условий пребывания в той или иной стране и внутренней специфики региональной диаспоры. Его развитие в наиболее крупных центрах русского зарубежья шло одновременно по нескольким направлениям: искусство, наука, экономика, бытовая культура, язык.

В эпоху классической зарубежной России сохранение бытовой культуры и языка обеспечивалось прежде всего диаспоральным сознанием, которое обусловило осуществление российской эмиграцией комплекса системных мер по передаче языка и языковой культуры детям, высоким образовательным уровнем эмигрантского социума, наличием центров компактного проживания. В ряде случаев в таких общинах наблюдалось явление русификации вовлеченных в их жизнь иностранцев. Так, К. Парчевский сообщал об открытии в 1930-х годах курсов русского языка для французов — жен русских рабочих в Ла-Рошели¹.

В некоторых странах российские эмигранты выступали в качестве проводников общеевропейской культуры. Хрестоматийными примерами такого рода являются фактическое создание бывшими россиянами армии и ряда административных институтов в Парагвае, становление, практически полностью на основе русской школы, балета на Кубе и т. п.

Культурный диалог между обществами лимитрофных государств и существовавшими здесь российскими диаспорами в межвоенный период определялся в значительной степени традициями дореволюционного времени. Так, несмотря на негативное отношение польских властей и значительной части польского общества к российской эмиграции, особенностью русской художественной и литературной колонии в Польше было тесное общение с польской творческой интеллигенцией, в том числе такими выдающимися деятелями, как Юлиан Тувим и Ярослав Ивашкевич. Творческое взаимодействие с польскими писателями и поэтами, которое осуществлялось в литературных кружках и творческих союзах русской диаспоры, создавало особую интеллектуально-духовную атмосферу, впоследствии оцениваемую как «феномен славянского контакта» в особой политической ситуации Польши, впервые строящей свое независимое государство².

Представляют интерес и данные о российском культурном влиянии в Литве. Эмигрантские источники 1920–1930-х годов и позднейшие научные исследования едины в своем мнении относительно положения русской диаспоры в Литве, которое характеризовалось значительно большей лояльностью местных властей и населения, широкой распространенностью русского языка и культурных традиций при очень низкой общественной активности русского населения. В «Русском календаре» за 1932 год отмечалось: «Русская общественная жизнь в Литве после войны развивалась своеобразными путями, отличными от путей эмиграции и жизни русского меньшинства в других странах Прибалтики... Театр, книги, газеты, журналы, школьное дело, быт и жизнь общества не чуждались русской культуры и языка. При этом носителями русской

культуры часто являлись не русские, а литовцы и другие группы населения Литвы»³. Современный исследователь истории русской диаспоры в Литве А. Ковтун подчеркивает, что, в отличие от соседних стран Балтии, где русское население сохранило «культурные завоевания, веру в свои силы и в будущее края, жителями которого являлось», русская культура городов Литвы, в частности Каунаса, развивалась в большой степени благодаря участию в культурной жизни края литовцев, евреев, поляков с русскими корнями, «получивших в силу исторических обстоятельств образование в России»⁴.

В Китае, Африке, других отдаленных уголках мира российские эмигранты, как правило, проявляли активный интерес к культуре, искусству, природе тех стран, где они находились. В литературе и изобразительном искусстве российской эмиграции в Китае наблюдается значительное влияние ориентализма⁵. В то же время историк русской эмиграции в Китае Е. Аурилене отмечает такую черту российской эмиграции (интеллигенции) в Китае, как повышенный интерес к религии, развившийся как элемент противодействия российского менталитета восточной культуре⁶.

Одним из компонентов адаптационного процесса россиян за границей являлась аккультурация — процесс преодоления эмигрантом его осознанного или неосознанного сопротивления переменам в попытке защитить свое культурное своеобразие⁷. Адаптация за рубежом независимо от времени и причин выезда из России означала неизбежную вынужденную или добровольную аккультурацию эмигранта, то есть отказ от некоторых норм и представлений, свойственных его этнокультуре, и освоение культуры принимающего общества⁸. Для определенной части российской эмиграции в межвоенный период была характерна практически полная культурная и языковая ассимиляция не только в Европе и США, но и в более чуждых для россиян в культурном отношении регионах. Так, бывший министр финансов колчаковского правительства И. А. Михайлов, ставший главным советником японцев в Харбине по русским делам, полностью перенял китайские манеры — от еды до жизненной философии⁹.

В отличие от советской культуры, эмигрантское культурное влияние было во многом созвучно европейскому миру, хотя оно и воспринималось по-разному в разных сегментах иностранного социума в зависимости от его ментально-психологической и политической специфики. Так, Франция, США, Англия оказались чрезвычайно восприимчивы к таким явлениям, как русский балет, музыка, живопись, причем это не следует рассматривать только как моду в рамках массовой культуры. Через универсальный язык звука и пластики происходило «сцепление» эмоций и идей российского и иностранного культурного пластов, вслед за которым шли более конкретные культурные и интеллектуальные влияния. В 1923 году газета «Россия» по случаю выхода в свет номера журнала *The Slavonic and East European Review*, в котором описывались очередные триумфы русских артистов, с некоторой иронией писала: «Беглая Россия понемногу заражает Европу каким-то особым русским влиянием, вплоть до славянофильства. Началось с балета, пришло к Достоевскому,

³ Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь. Каунас, 1932. С. 1–2.

⁴ Ковтун А. Возвращенные сюжеты : русские Каунаса (1918–1940) // Диаспоры. М., 2004. № 2. С. 157.

⁵ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. С. 268.

⁶ Аурилене Е. Русская эмиграция в Китае : в поисках будущей России // Вестник Евразии : Независимый научный журнал. 2002. № 4 (19). С. 20.

⁷ Левин З. И. Менталитет диаспоры (Системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 109.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 124.

¹ Парчевский К. К. По русским углам. М., 2002. С. 91.

² Булгаков В. Ф. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993. С. 209.

к Блоку, дойдет, пожалуй, и до русского общественного сознания»¹.

Событиями значительного масштаба в культурной жизни Праги и Белграда становились выставки русского искусства или какого-либо одного художника, например Бориса Григорьева, работы которого имели большой успех у пражской публики в 1926 году².

Перечень наиболее значительных выставок, состоявшихся в Национальном музее Франции в 1947–1970-х годах, среди которых: М. Шагал (1947), О. Цадкин (1949), А. Ревзнер (1956), В. Кандинский (1957), Ж. Липшиц (1959), Н. Гончарова и М. Ларионов (1963), свидетельствует не только о том, что российские художники-эмигранты на равных входили в художественную жизнь послевоенного Парижа, но и о долговременности влияния русского искусства, органичного вошедшего в мировое художественное пространство XX и XXI веков³.

С одной стороны, изобразительное искусство, музыка, балет явились универсальной формой обращения российской эмиграции к мировому сообществу, ее манифестацией, фактором конкретного, прямого влияния на мировую культуру. С другой стороны, российская художественная и музыкальная элита легко включалась в международную творческую жизнь во Франции, США, Великобритании.

В Югославии и Болгарии в 1920–1930-е годы работали несколько талантливых русских архитекторов, деятельность которых способствовала развитию градостроительного искусства этих стран⁴.

Всемирную известность получили и созданные российскими эмигрантами в 1920–1930-е годы ансамбли народной песни и танца, среди которых первое место, вероятно, следует отдать казачьему хору С. А. Жарова. Показательно, что в 1981 году Жаров был торжественно введен в Русско-американскую палату славы, созданную Конгрессом русских американцев «для чествования выдающихся русских деятелей, внесших значительный вклад в науку, технику, литературу и общественную жизнь США»⁵.

Более сложным был путь русской зарубежной литературы, которая должна была или замкнуться в рамках диаспоры, или «заговорить» на иностранных языках. Важнейшую роль в распространении политического, философского и литературного влияния сыграли периодические издания эмиграции, часть которых выпускалась на языках принимающих стран, и публикации переводов произведений российских авторов в иностранной прессе. Именно произведения, опубликованные в периодической печати, стали основанием для присуждения И. Бунину в 1933 году Нобелевской премии по литературе.

В связи с этим хотелось бы отметить, что эмигрантская художественная литература и публицистика сыграли важную роль в понимании российского зарубежья мировым сообществом, признании ее проблем и потребностей, ее права на участие в общественно-политическом и культурном диалоге. Она оказывала влияние на формирование за рубежом образа советской России, стремясь определенным образом воздействовать на общественное мнение в странах проживания.

В 1920-е годы российская эмиграция выступала в роли пропагандиста за рубежом русской классики — творчест-

ва А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и многих других писателей, поэтов, композиторов.

Существенным элементом развития культурного диалога было восприятие и преломление русским обществом, а затем и эмиграцией западной культуры, которая возвращалась европейскому и американскому обществу через публикации в иностранной прессе, публичные выступления, монографии российских ученых, художественную литературу. Выросшая на образцах европейской философии и общественной мысли российская политическая оппозиция и интеллектуальная элита принесли в Европу множество оригинальных влияний, от русского марксизма и троцкизма до философских исканий С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Л. Шестова, Н. А. Бердяева⁶, произведений В. В. Набокова и А. И. Солженицына и т. п.

В годы Второй мировой войны печатное слово российской эмиграции внесло важный вклад в международное антифашистское движение, призывая к оказанию помощи СССР и скорейшему открытию Второго фронта.

Для Франции и славянских стран Европы в 1920–1930-е годы было особенно характерно создание совместных «предприятий» с русскими эмигрантами: институтов, обществ, клубов. Если во Франции это была, как правило, инициатива научных кругов или творческой интеллигенции, то в Чехословакии и Югославии инициатива по организации подобных центров нередко исходила от государства⁷.

Некоторые образовательные и просветительные центры, созданные преимущественно трудами российских эмигрантов, стали очагами международного культурного общения и влияния. Так, иностранные студенты обучались на Русском юридическом факультете в Праге⁸. Решающий вклад внесли российские эмигранты в создание таких учреждений, как Славянская библиотека МИД Чехословакии⁹ и библиотека SLAVICA в Финляндии¹⁰.

Активность русских ученых, инженеров, военных за рубежом диктовалась, с одной стороны, потребностью выживания, социально-экономической адаптации, с другой — желанием реализовать в профессиональной сфере, что было связано с деятельностью в иностранной языковой и культурной среде. Российские эмигранты, адаптируясь в мире зарубежной науки и бизнеса, привносили в них традиции отечественной высшей школы, корпоративной культуры, в ряде случаев способствовали формированию очагов российской диаспоры, как, например, это происходило на заводах И. И. Сикорского в Стратфорде (США).

В 1920–1930-е годы отчетливо обозначилось становление русского научного влияния в Америке. С. П. Тимошенко отмечал, что «основательная подготовка в математике и основных технических предмета давала нам громадное преимущество перед американцами, особенно при решении новых, нестандартных задач»¹¹. Он же свидетельствовал о том, что российской научной элите в США

⁶ О влиянии Н. Бердяева на французскую культуру см.: Аржановский А. Между историей и памятью: Николай Бердяев, русский мыслитель во Франции // Культурное наследие русской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Кн. 1.

⁷ См.: Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995; Русская эмиграция в Югославии: сб. М., 1996; *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005; и др.

⁸ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия. Учебные заведения): учеб. пособие для студентов / Е. И. Пивовар, Е. Н. Евсеева, В. Ф. Ершов [и др.]. М.; Геттинген, 1994. С. 100.

⁹ *Йиржи В.* Фонды русского зарубежья в пражской Славянской библиотеке // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. СПб., 2000. С. 417–418.

¹⁰ *Йоффе-Кемплайн Э.* SLAVICA — уникальная русская библиотека в Финляндии // Русская мысль. 1997. № 4185.

¹¹ Цит. по: *Борисов В. П.* Америка мне определенно не нравилась // Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Е. Захарова. М., 2001. С. 121.

¹ Россия. Нью-Йорк, 1923. № 7.

² *Еленев Н. А.* Русское изобразительное искусство в Праге // Прага. Русский взгляд. Век восемнадцатый — век двадцать первый. М., 2003. С. 166.

³ См.: *Ершов В. Ф.* Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг. М., 2008.

⁴ *Кадиевич А.* Деятельность русских эмигрантов-архитекторов в Югославии между двумя мировыми войнами // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX — первая половина XX века. СПб., 2008. С. 255.

⁵ Русский американец. Нью-Йорк, 1995. № 20. С. 112.

пришлось много работать над усовершенствованием технического образования в Америке. «Обдумывая причину наших достижений в Америке, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы», — писал он¹.

В межвоенный период возникли центры профессионального общения российских ученых-историков в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Калифорнии, которые работали в постоянном контакте с местной университетской средой, начали сотрудничать с Американской исторической ассоциацией и другими центрами гуманитарной науки в США. Лидеры исторической науки русского зарубежья в Америке М. Ростовцев, А. Васильев, Г. Вернадский, М. Карпович в течение многих лет вели преподавательскую и исследовательскую работу в университетах США².

Российская эмиграция стала одним из главных стимулов развития международной русистики, не только подтверждая значение русской культуры и языка, но и предоставляя колоссальный по объему и глубине материал для изучения, а также непосредственно участвуя в развитии русистики и советологии, переплетение которых создало в результате образ России XX века в глазах иностранного сообщества³. Конкретным примером такой деятельности является Американская ассоциация развития славяноведения — организация, фактически координировавшая советологические исследования в США, председателем которой был Г. В. Вернадский — представитель русской научной эмиграции послереволюционной волны.

Таким образом, зарубежная русская литература, философия, искусство в XX веке стали одним из элементов духовно-культурного пространства иностранной интеллектуальной элиты в различных регионах мира, вошли в орбиту многообразных мировых культур.

Характерное для российского зарубежья стремление к сохранению собственной культурной идентичности обусловило особую активность эмигрантов в данном направлении: русские школы, библиотеки, издательства, театры создавались ими упорно и самоотверженно в Париже, Берлине, Праге, Харбине, Сан-Франциско. В то же время вынужденное пребывание за границей способствовало удовлетворению того живого интереса к европейской литературе и искусству и стремления к культурному универсализму, которые существовали в российском образованном обществе в дореволюционный период. В 1920–1930-е годы российские профессора читали, а российские студенты слушали лекции в Сорбонне на французском языке, в Пражском университете — на чешском, в Софийском — на болгарском. Учащиеся русских школ и народных университетов совершали экскурсии в Лувр, по замкам Луары и т. п. Разумеется, ассимиляционные процессы, особенно в молодых поколениях эмиграции были неизбежны и достаточно интенсивны, но одновременно в условиях российского зарубежья развивался особый поликультурный мир, сочетавший языковые, ментальные, поведенческие характеристики русского зарубежья и иностранных обществ. В наши дни можно наблюдать некоторых представителей третьего и четвертого поколений российского зарубежья, родившихся за границей, окончивших европейские и американские университеты,

¹ Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 625.

² Петров Е. В. Культуртрегерская миссия русских историков-эмигрантов в США // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества : материалы III международной научно-практ. конф. Владивосток, 2003. С. 216; см. также: Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. М., 2000. № 3 (12). С. 65–105.

³ См.: Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

но говорящих по-русски без акцента и даже сохраняющих некоторые элементы внешнего имиджа своих российских предков (например, вернувшийся на родину в 1990-е гг. представитель семьи Мамонтовых — достаточно успешный предприниматель и обладатель окладистой купеческой бороды).

Российская эмиграция 1920–1930-х годов создала своего рода плацдарм, опыт культурного взаимодействия с иностранными сообществами, на который опирались последующие миграционные волны. Политическая и религиозная эмиграция из СССР 1950–1980-х годов была нацелена на активное освоение западного общественно-культурного пространства. При этом фактически сохранилась прежняя траектория адаптационного процесса: успешное вхождение в иностранную культурную среду музыкантов, артистов балета, художников (Р. Нуриев, М. Ростропович, Э. Неизвестный и др.), ориентация на русскоязычный мир писателей, политиков, мыслителей, быстрая ассимиляция экономических эмигрантов.

Там, где концентрация российского влияния была особенно высокой, например во Франции, тема русского зарубежья стала самостоятельным направлением в национально-исторической науке и культурологии. Причем в 1990-е годы под влиянием новых явлений в политическом и культурном облике самой России и ее движения навстречу русскому зарубежью эту проблематику «открыли» для себя многие страны — Финляндия, Австралия и другие, не говоря уже о бывших социалистических государствах (Чехии, Югославии, Болгарии), где тема русского зарубежья, так же как и в России, стала активно развиваться после отмены идеологических запретов.

В Японии интеллектуальная элита уже в начале XX века проявляла значительный интерес к русской культуре, особенно к творчеству Льва Толстого и других классиков. Впоследствии этот интерес выразился в создании научных и общественно-культурных центров, занимающихся историей и культурой российского зарубежья на Дальнем Востоке — «Россия и Япония» (1978) и Японской ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья (1995).

В рамках разговора о взаимодействиях российской, европейской и американской культурных элит следует упомянуть о создании русскими эмигрантами собственной системы образов стран и культур, которые были частично восприняты иностранным обществом, как, например, феномен Америки в произведениях Юрия Иваска⁴.

В постсоветский период российские диаспоры в дальнем зарубежье в целом утратили роль политической оппозиции своей метрополии. В то же время их роль как проводников российской культуры, участников диалога России с мировым сообществом продолжает сохраняться и развиваться, принимая новые формы и направления.

По меткому замечанию русского австралийца Марка Стеммера, у российской эмиграции «...есть талант: принимая культуру европейских стран, сохранять в то же время свое русское наследие. Это позволяет им любить обе страны: и страну проживания, и родину»⁵. Это свойство позволяет российским диаспорам быть коллективными «послами доброй воли» России в глобализирующемся мире, неотъемлемой частью которого она является.

⁴ См.: Доронченко И. А. Европа, Соединенные Штаты, Мексика в «культурной топографии» Юрия Иваска // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. : сб. ст. СПб., 2000.

⁵ Стеммер М. Что значит быть русским за границей // Мы в России и Зарубежье : православный общественно-политический журнал молодежи России и русского зарубежья. 2006. № 4 (43). С. 38.